Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Глыбин В.А. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 году. Предварительные результаты //Археологическое наследие Санкт-Петербурга. - СПб., 2009. - Вып. 3.

В 2008 г. Санкт-Петербургской археологической экспедицией ИИМК РАН, СЗИ Наследия были продолжены охранные раскопки, начатые в 2006–2007 гг. на мысу при впадении Охты в Неву. Они велись в центральной части мыса на удалении около 300 м от его оконечности. В 2007 г. были завершены раскопы 1–3, общей площадью 1850 кв. м, и начат раскоп 4 (Сорокин, Андреева, Попов и др. 2007; Сорокин 2008, 2008а). Согласно историческим документам первая крепость Ландскрона была построена здесь в 1300 г. шведами. В следующем 1301 г. она была взята и разрушена русскими войсками. В 1500 г. здесь существовало сельцо «На усть Охты», в котором было 18 дворов. В конце XVI – начале XVII в. упоминается поселение с городскими чертами Невское устье. В 1611 г. шведы построили на мысу при впадении Охты в Неву крепость Ниеншанц. В течении XVII в., особенно после разрушения русскими войсками в 1656 г., крепость перестраивалась (Сорокин 2001).

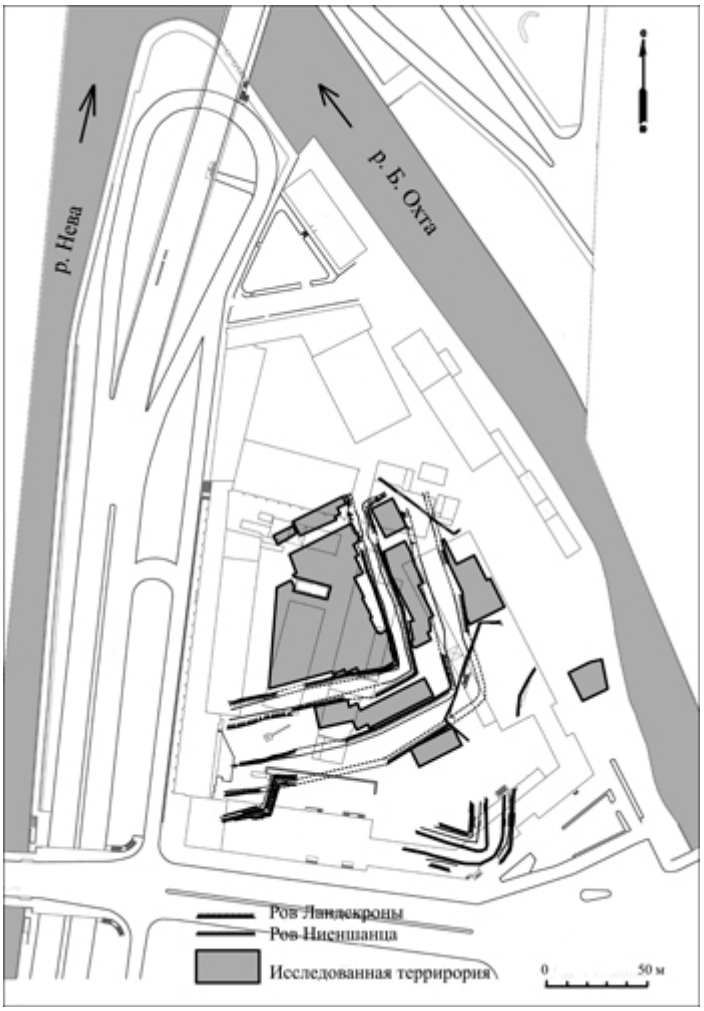

Рис.1. План мыса при впадении Охты в Неву и расположение на нем раскопов 1–9, 2007–2008 гг.

В ходе работ в раскопах 4–9 на площади около 7502 кв. м были изучены засыпанные оборонительные рвы различных периодов существования фортификационных сооружений на этой территории* (рис. 1). Предварительно были выделены три этапа их строительства (Сорокин, Поляков, Иванова и др. 2008, Сорокин 2008, 2008а).

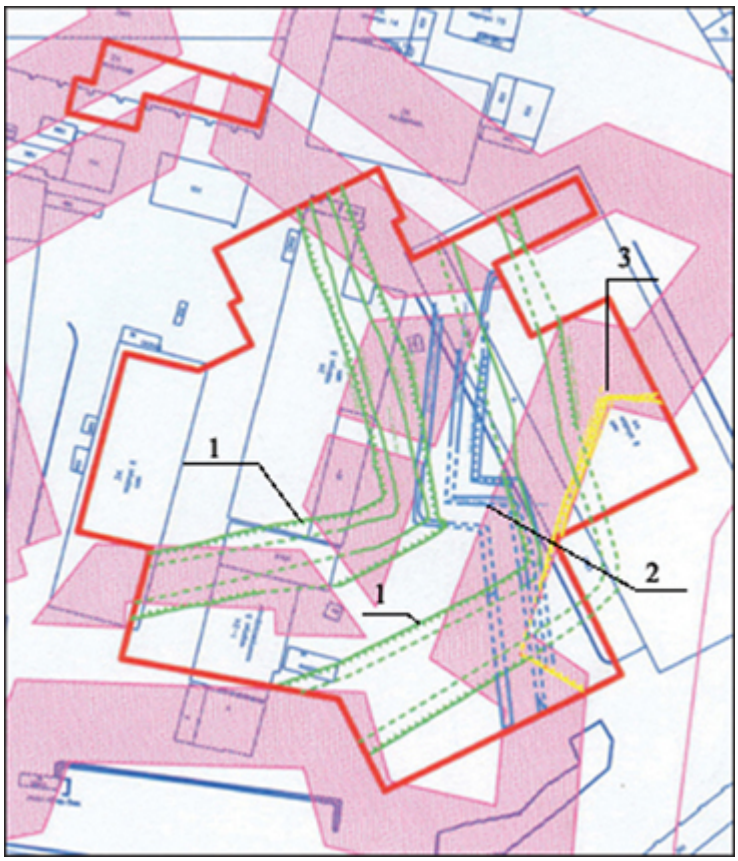

Рис.2. План выявленных фортификационных сооружений: 1. – Ландскроны 1300–01 гг., 2. – Ниеншанца первой половины XVII в., 3. – Ниеншанца второй половины XVII в.

Две линии рвов, относящиеся к крепости Ландскрона, были прослежены с восточной стороны мыса – вдоль берега реки Охты на протяжении около 70 м, и с южной – напольной стороны на протяжении около 50 м (рис. 2). Внешний ров, трапециевидный в разрезе, с плоским дном, шириной около 15 м сохранился на глубину до 2.4 м. Стенки рва, имевшие угол наклона около 45°, были укреплены от оплывания деревянными плахами, уложенными по склону вплотную друг к другу. Снизу они были закреплены продольными плахами и рядом колов, вбитых в грунт. В 14–15 м параллельно внешнему рву был расположен аналогичный по конструкции внутренний ров, шириной около 11 м, глубиной до 2.8 м. На внутреннем склоне рва были исследованы сгоревшие деревянные конструкции крепостных стен. В них и в нижней части заполнения рва были обнаружены черешковые и втульчатые арбалетные болты, наконечники стрел, копий и стрел баллист, которые могут быть датированы рубежом XIII–XIV вв. Основная их часть была найдена с юго-восточной стороны внутреннего рва (рис. 3).

Рис.3. Внутренний ров Ландскроны. Юго-восточный угол.

Судя по находкам, обнаруженным в верхней части заполнения обоих рвов, рвы были окончательно засыпаны только в XVII в. при строительстве Ниеншанца. В этих слоях засыпки с южной стороны было найдено около двух сотен переотложенных погребений (раскопы 7, 8). Их скопления в двух местах во внешнем рву носили явные следы перезахоронения.

Следующий этап строительства крепостных сооружений может быть отнесен к первым десятилетиям существования Ниеншанца. В этот период расположение рва с восточной стороны меняется. Здесь для его строительства частично использовался внешний ров Ландскроны. При зачистке поверхности раскопов 7 и 8 на отметках 3.4–4.6 по БС были выявлены три параллельные полосы грунта черного цвета. Они оказались тремя кладками, сложенными из пластов дёрна (рис. 4а). Лучшая сохранность (на большую высоту) отмечена в южной части раскопанной территории (раскоп 8). Все три линии дерновых кладок располагались параллельно друг другу, длинными осями по направлению север – юг с небольшим отклонением. Общая протяженность остатков восточных куртин крепости первой половины XVII в., прослеженная в раскопах 7 и 8, составила около 90 м.

Рис.4а. Дерновая кладка в основании валов Ниеншанца I половины XVII в.

Восточная дерновая кладка облицовывала внутреннюю стенку крепостного рва, устроенной, в значительной части, внутри рва Ландскроны и заглубленной в материк. Две другие кладки, удаленные от нее на 2.4 м и 4 м к западу, вероятно, представляли собой основания земляного вала. В южной части 7 раскопа все три кладки делают поворот на 90° по направлению на восток и продолжаются примерно на 11 м в этом направлении. Далее они снова поворачивают под углом, близким к 100°, к югу и продолжаются до границы раскопа 8. С северной стороны кладки уходили в раскоп 3 и здесь под углом, близким к прямому, поворачивали в восточном направлении (раскоп 14). Дерновые стенки оказались возведены внутри уже существовавшего рва и только до высоты его бортов. В тонкой прослойке, образовавшейся при возведении дерновых стенок, найдены несколько фрагментов керамики, обломки курительных трубок и медная шведская монета. Данный строительный горизонт, по-видимому, представляет собой начальную стадию воплощения одного из проектов переустройства крепости Ниеншанц, разработанных в 30-е – 40-е годы XVII века. В таком незавершенном виде укрепление просуществовало несколько лет и было перекрыто слоем разрушения, сформировавшимся в результате событий войны 1656–61 гг. В нем обнаружены многочисленные кусочки горелого дерева, фрагменты керамики и изразцов, обломки курительных трубок, осколки оконного стекла и несколько медных монет.

На сохранившихся участках ширина линий дерновых кладок достигала 1.6–1.7 м. Кладки из пластов дерна сохранились на высоту 0.5–0.7 м в северной части и на высоту до 1.3 м в южной части (отметки 3.3–4.6 БС). Их основания прорезали слои подсыпки и материковую супесь на глубину около 10–15 см.

Основание дерновой кладки по склону рва частично прорезало слой естественного разрушения, накопившийся во внешнем рву Ландскроны, и местами разрушило его борта, вырытые в материковом песчаном грунте. Дерновые стенки не были дополнительно укреплены какими-либо деревянными конструкциями. Поверхность обкладок была зафиксирована на уровне 3.60–3.74, нижняя часть на уровне 1.3. При этом уровень материка находился здесь на отметках 3.30–3.50 БС. Общая высота дерновой обкладки рва составляла более 2.40 м. Она возвышалась над уровнем материка. Ширина дерновой обкладки по верхнему краю оказалась равна 0.46–0.53 м, а по нижнему краю – 0.9–1.16 м. Угол внешней стенки дерновых обкладок рва составлял около 80° (до высоты 3.05 по БС) и около 50° (от уровня 3.06 до 3.74). Основание дерновых обкладок было поставлено в плоскую, неглубокую канавку, которая проходила вдоль борта рва. Глубина канавки достигала 0.1–0.14 м. Высота материкового склона рва была 2.22–2.45 м. Угол материкового склона составлял около 90° до уровня 2.83 по БС. Вероятно, эта технологическая особенность была связана с тем, что строители попытались распределить нагрузку верхней части кладки между краем материка и самой дерновой стенкой.

Слои, отложившиеся во рву после окончания строительства, отмечают различные этапы разрушения и засыпки. Так, слой переотложенного дерна черного и темно-коричневого цвета образовался на дне рва во время естественного оплывания и разрушения дерновых кладок. Поверх него залегал слой однородной желтой супеси. Оба слоя образовались во время разрушения крепости и нивелирования рва перед строительством крепости третьего периода в середине XVII в.

В заполнении рва и дерновых кладках обнаружены находки, относящиеся к двум хронологическим и культурным группам. Наиболее массовыми в заполнении дерновых кладок валов и дерновой обкладке рва стали находки керамики. Большинство из них представлено фрагментами стенок и венчиков сосудов позднесредневековой бело-, красно- и сероглиняной керамики с большой примесью дресвы в тесте. Эта посуда имеет широкий период бытования, но наиболее она близка позднесредневековым формам новгородской керамики XV–XVII столетия. К эпохе позднего средневековья относится перстень из медного сплава с гладким овальным щитком. Данная группа материалов относится к переотложенным во время строительства шведской крепости остаткам позднесредневекового русского поселения в устье Охты. К отдельной группе принадлежат находки керамических сосудов, покрытых поливой, фрагмент сосуда – треножника, фрагмент мундштука белоглиняной голландской курительной трубки, свинцовая пуля, фрагмент оконного стекла. Их датировка не выходит за пределы XVII в. Вероятно, все они относятся к периоду существования первоначального Ниеншанца, до начала сооружения новых укреплений. Среди находок из металла следует упомянуть медный кованый гвоздик, кованые гвозди, железный нож, фрагмент литника. Среди недатированных находок были выявлены пробка деревянная и нож кремневый на пластине. В заполнении рва было сделано четыре находки: фрагменты керамических сосудов, покрытых поливой, и фрагменты керамического сосуда с дресвой.

Следующий этап фортификационных работ на изученном участке связан с полной перепланировкой оборонительных сооружений Ниеншанца после войны 1656–61 гг., когда здесь была построена крепость с пятью бастионами и двумя воротными равелинами. Участок рва,

примыкающий к юго-восточной куртине крепости между Карловым и Мертвым бастионами и перед фланками этих бастионов, был исследован полностью на протяжении около 50 м (рис. 4б).

Рис.4б. Облицовка стенок рва на месте примыкания юго-восточной куртины к фланку Мертвого бастиона.

Внутренний склон рва вновь возведенной крепости, имевший уклон около 50–60°, был облицован дерновой кладкой шириной до 1.5–1.8 м, предохранявшей его от оплывания (рис. 5). В основании дерновой кладки на уровне дна рва имелась срубная деревянная конструкция, сделанная в два венца общей высотой 0.7–0.8 м. Она состояла из двух параллельных линий бревен, уложенных вдоль склона рва на удалении 1.5–1.8 м друг от друга, скрепленных между собой врубленными поперечинами. Концы поперечин, обращенные к стенке рва, выступали достаточно далеко за линию продольных бревен и были углублены в материковый борт. В 3 м от стенки рва обнаружен бревенчатый палисад – ряд частокола, сохранившийся на высоту до 1.2 м. Линия палисада проходила параллельно куртине и фланкам бастионов, повторяя их очертания, хотя по проектному плану она должна была соответствовать контуру внешнего борта рва, имевшего в плане треугольную форму. Бревна палисада толщиной около 20 см были врыты в узкую траншею глубиной около 0.5 м.

Рис.5. Дерновая обкладка рва и срубные деревянные конструкции в их основании на фланке Карлова бастиона. На заднем плане дерновая обкладка крепостного рва первой половины XVII в.

У левого фланка Карлова бастиона на высоте около 1.5 м над донной поверхностью рва была исследована деревянная платформа, служившая, вероятно, для ведения фланкирующего обстрела. С внутренней стороны она опиралась на дерновый склон и бревенчатую клеть, лежавшую в основании дерновой стенки рва, с внешней на деревянные столбы, забитые в его дно. Протяженность платформы вдоль стенки рва составляла около 9.6 м, ширина около 2 м. В южной части платформа имеет следы значительных разрушений деревянных конструкций, среди которых имеются находки осколков мортирных бомб. Остатки аналогичной платформы отмечены и у правого фланка Мертвого бастиона.

На месте примыкания юго-восточной куртины к Мертвому бастиону был исследован потайной ход, представлявший собой лестничный спуск в ров (рис. 6). Вдоль бортов траншеи шириной 1.6 м были уложены два бревна с врезанными в них ступенями. Стенки хода облицованы досками, имевшими ширину 20–25 см. Определить их первоначальную толщину практически невозможно, так как дерево почти полностью истлело. К материковым стенкам доски прижимались и фиксировались вертикально стоящими столбиками диаметром 20 см. Для придания устойчивости всей конструкции они были вкопаны в грунт на 30–40 см. Каждая пара столбов располагалась на удалении 2 м от следующей. Сверху на них крепились поперечные брусья толщиной не менее 10–12 см, служившие опорой для досок потолочного перекрытия, которые были уложены вдоль хода. В свою очередь эти доски фиксировались сверху другим поперечным брусом. Вся эта деревянная конструкция крепилась к вертикальным опорам мощными коваными гвоздями длиной 25–30 см, по одному на каждый столб. Для лучшей гидроизоляции потолок потайного хода был перекрыт листами бересты в несколько слоев. Общая высота коридора потайного хода не превышала 1.5 м.

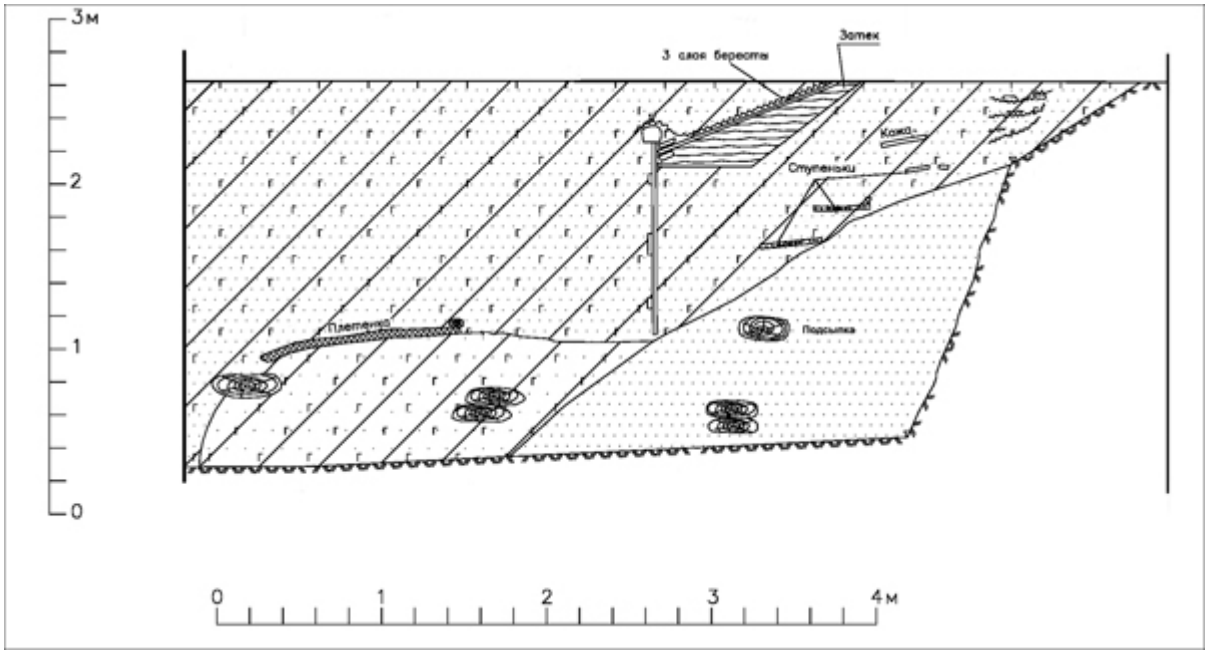

Рис.6. Разрез потайного хода на месте примыкания юго-восточной куртины к Мертвому бастиону.

Со стороны рва он запирался деревянной дверью, открывавшейся наружу (рис. 7). Дверь состояла из 4 вертикальных досок (общая ширина 1.2 м, высота 1.4 м), скрепленных между собой с внешней стороны двумя горизонтальными (в верхней и нижней части) и одним диагональным брусом, расположенным между ними. На горизонтальные брусья крепились железные кованые жиковины. Они представляли собой металлические пластины длинной 0.6 м и толщиной 8–10 мм. На концах жиковин имелись проушины, куда вставлялся металлический штырь с клином, который при навешивании двери вбивался в опорный столб. На противоположном опорном столбе была прибита железная петля. Другая аналогичная петля крепилась к двери с внутренней стороны. При закрывании створки они совмещались в горизонтальной плоскости, что позволяло накинуть замок, либо вставить вертикальный штырь, блокирующий дверь. Потайной ход, имевший угол уклона около 30°, должен был вести либо в потерну, либо, прорезая вал, мог выходить во внутренний двор крепости. Используя его, можно было незаметно для осаждающих спуститься в ров на деревянную платформу у фланка бастиона

и вести оттуда огонь вдоль линии частокола. Аналогичный участок в месте примыкания юго-восточной куртины к Карлову бастиону оказался полностью разрушен бетонной конструкцией XX века.

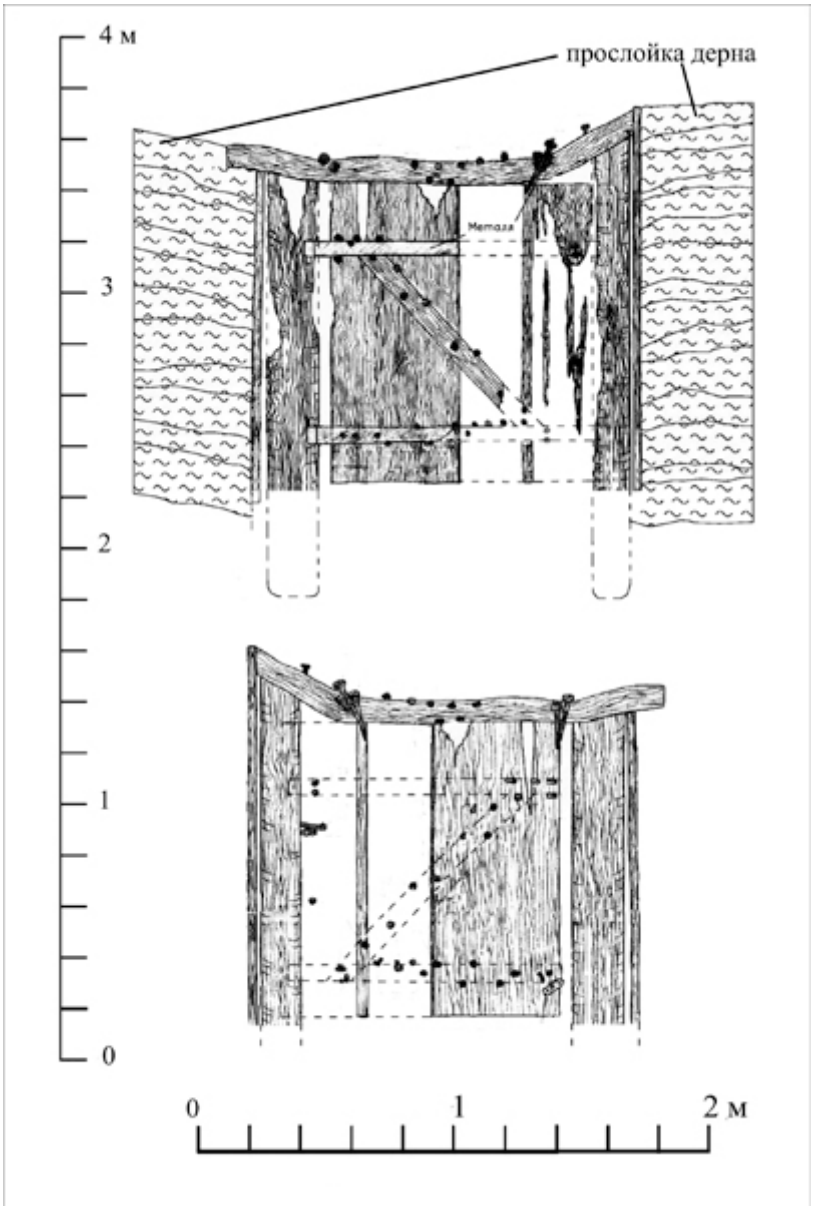

Рис.7. Чертеж потайной двери: а. – с наружной, б. – с внутренней стороны.

Внешняя стенка рва не повторяет конфигурацию бастионов крепости, а обращена выступающим углом к центру юго-восточной куртины. В этом месте ширина рва по дну составляет 28 м. Его внешний борт, также как и внутренний, укреплен дерновой кладкой толщиной 0.6–0.8 м, но уже без каких-либо бревенчатых конструкций. В 3 метрах от основания внешней дерновой стенки, параллельно ей, в донной части рва была прокопана канава. Определить первоначальную ширину и глубину канавы невозможно, так как ее материковые борта в значительной степени размыты. В современном состоянии ширина ее составляет около 7 м, а глубина 0.8–1 м.

Наземные постройки крепости и связанный с ними культурный слой, за редким исключением, не сохранились. На территории Мертвого бастиона, рядом с его правым фланком обследованы остатки подвальной части бревенчатой постройки, погибшей при пожаре (рис. 8). Здесь, в центре земляного котлована размерами 7.3 × 7.3 м и глубиной 1.2–1.4 м был установлен квадратный сруб размерами 5.8 × 5.8 м. Стены постройки, также как и материковая яма, ориентированы сторонами по странам света с незначительным отклонением. Первоначально в донной части котлована, вдоль северного и южного бортов, были выбраны две параллельные канавки шириной 0.6–0.7 м и глубиной 0.15–0.2 м. В канавки уложены бревна нижнего венца сруба. На них и частично на материковое дно опирались два поперечных бревна, лежащие в направлении север-юг. Затем, в направлении запад-восток были уложены 17 мощных подтесанных брусьев пола,

шириной 0.3–0.35 м и толщиной до 0.2 м. На концах брусьев, в нижней их части, имелись врезки для стыковки с поперечными балками. Все последующие венцы сруба, насколько это удалось проследить, для перевязки между собой имели врубки только в верхней части бревен. Их концы не были обрезаны и выступали за линию сруба на 0.4–0.45 м. Всего прослежено 6 венцов из бревен толщиной 0.2–0.25 м.

Рис.8. Остатки сгоревшей постройки на Мертвом бастионе.

Центральная часть дома в наибольшей степени подверглась горению и сохранилась значительно хуже других. В ней ближе к северной стенке сруба обнаружен бессистемный развал плоских известняковых плит и кирпичей, по-видимому, представляющий собой остатки рассыпавшейся печи, рухнувшей с верхнего уровня постройки. В заполнении, среди бревен конструкции и непосредственно на полу дома, найдено большое количество мелких кальцинированных косточек животных, фрагменты кухонных горшков и печных изразцов, обломки глиняных курительных трубок и оконного стекла. Судя по тому, что большинство предметов дошло до нас во фрагментированном состоянии, постройка к моменту ее сожжения была уже покинута обитателями, а все целые и ценные предметы из нее вынесены. Находки монет эпохи правления королевы Кристины, а также тот факт, что угол дома был разрушен рвом позднего этапа строительства крепости Ниеншанц, свидетельствуют о том, что окончание функционирования данной постройки может быть ограничено 1640–50-ми годами.

В центральной части крепости был исследован колодец из бруса, относящийся к XVII в. (рис. 9). При разборке перекопа XVII в. на отметках 2.63–2.50 БС обнаружен сруб, наружные размеры которого составили 3.0 × 3.0 м. В ходе дальнейших работ расчищен деревянный сруб из 8–9 венцов, собранный из массивных тесаных брёвен прямоугольной формы 0.40 × 0.35 м), рубленных «в лапу». На дне сруба была изучена четырехугольная конструкция из бруса, установленного на ребро параллельно стенкам и повторяющая конфигурацию колодца. Вероятно, она предохраняла дно колодца от заплывания.

Рис.9. Колодец крепости Ниеншанц.

Заполнение сруба, разобранное на глубину около 4 м (до отметки 0.50 БС), является закрытым археологическим комплексом, сформировавшимся в период существования шведской крепости Ниеншанц и содержащим находки предметов, находившихся в употреблении гарнизона крепости, вероятно, до момента штурма ее русским войском в 1703 г. Всего в срубе обнаружено 200 индивидуальных находок. Здесь найдено 63 фрагмента печных изразцов XVII в. В основном, они были покрыты поливой тёмно-зелёного цвета. Самые массовые находки – фрагменты прямоугольных лицевых плиток наружной облицовки зеркала печи. Также обнаружены четыре фрагмента румп и два фрагмента вертикальных трёхгранных угловых деталей изразцов с низким рельефным растительным орнаментом в виде цветов василька или гвоздики, веток оливы и фигурок птиц. Примечателен факт находки двух крупных плиток с орнаментом в виде веток оливы и фигурок птиц на разных уровнях засыпки сооружения (3.60 и 0.61 БС), в ходе камеральной обработки сложившихся в единую композицию. Это свидетельствует о единовременной засыпке колодца.

Предметы вооружения и снаряжения представлены тринадцатью осколками мортирных бомб, а также небольшим ядром. Обнаружены также металлический ключ с обломанной ручкой, фрагменты белоглиняных курительных трубок, кожаной обуви, деревянные изделия: фрагмент весла, крышки, небольшая балясина, выточенная на токарном станке – возможно, элемент мебели, фрагмент стеклянного сосуда, фрагменты черепицы, оселок, красноглиняный шарик, вероятно, использовавшийся для игр. На дне колодца был обнаружен каменный жернов, 44 см в диаметре и толщиной 15 см. Найдены немногочисленные фрагменты керамической посуды: поливных тарелок, горшков на трех ножках, связанные с североевропейской культурной традицией.

Сооружение, вероятно, представляет собой крепостной колодец Ниеншанца. Обнаруженные в его заполнении деревянные конструкции могли служить воротом. Косвенными данными по дате прекращения существования колодца и его засыпки являются находки в нем осколков ядер и мортирных бомб. Судя по всему, он был разобран и засыпан вскоре после прекращения существования крепости. В настоящее время сруб законсервирован, до принятия решения о возможности его сохранения.

В заполнении юго-восточного рва Ниеншанца прослеживаются три слоя. Нижний связан с заплыванием рва еще в период существования крепости. Два других слоя характеризуют два этапа его засыпки. Первый связан с разрушением крепости во время и после штурма, второй относится к XIX в., когда на этой территории существовала Охтинская корабельная верфь.

В заполнении рва были встречены находки разных эпох – от неолитических каменных орудий и позднесредневековой белоглинянной керамики, свидетельствующих об освоенности территории в эти периоды, до предметов XIX в. Ко времени существования Ниеншанца относятся фрагменты североевропейской керамики, голландских курительных трубок, кожаная и плетеная из бересты обувь, шведские монеты, ядра, картечь. Чугунная мортирная бомба и ядра (рис. 10), а также их многочисленные осколки, свинцовая картечь и пули были найдены непосредственно на дне крепостного рва и в центральной части крепости. Они служат ярким свидетельством ожесточенного штурма ее русскими войсками в 1703 г.

Рис.10. Мортирная бомба и ядра.

Археологические раскопки в устье реки Охты 2006–08 гг. дали новую историческую информацию. Здесь были обнаружены уникальные объекты культурного наследия, существовавшие на этой территории с эпохи неолита до нового времени, представленные в виде культурного слоя, сооружений и находок. Подобные объекты требуют многолетних тщательных раскопок.

На территории объекта культурного наследия «крепость Ниеншанц» (Охта 1) культурные слои и исторические сооружения имеют хорошую сохранность, что продемонстрировали предшествующие раскопки. На неисследованной территории имеются остатки крепостей Ландскрона и Ниеншанц, захоронения, а также слои неолитических стоянок, имеющие высочайшую историко-культурную ценность. Это подтверждается как наличием этих объектов на смежных участках, где работы ведутся в настоящее время, так и подробными историческими документами.

Проведенные раскопки позволили получить качественно новую информацию о фортификационных сооружениях средневекового и нового времени в устье реки Охты – об их планиграфии и конструктивном устройстве рвов. Выявленные рвы представляют собой образцы фортификационных сооружений XIV и XVII вв., являются объектами культурного наследия и могут быть музеефицированы. При этом рвы фортификационных сооружений всех периодов выходят за пределы исследованной территории (рис. 2, 11). Дальнейшие исследования позволят уточнить планировку и конструктивные особенности крепостей Ландскрона и Ниеншанц, а также получить новую историко-культурную информацию об этих сооружениях.

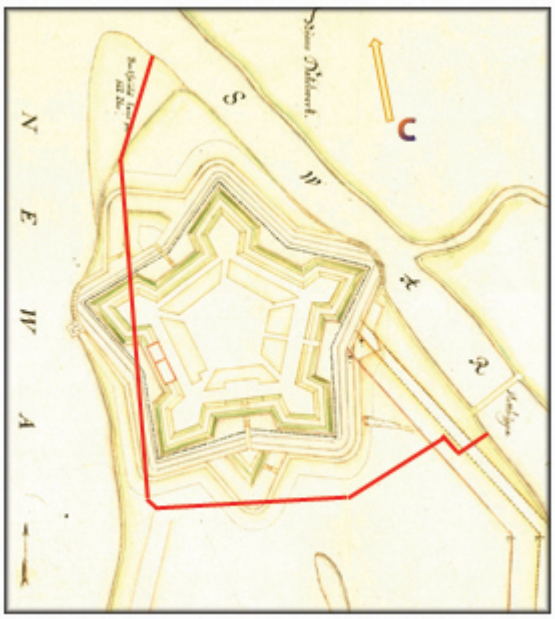

**Рис.11. Цитадель крепости Ниеншанц на плане 1681 г.
и граница обследуемой площадки**

Необходимо принятие решения о возможности сохранения и музеефикации выявленных объектов в процессе последующего освоения этой территории. Полученная в процессе раскопок научная информация существенно изменяет наши представления об истории Приневского региона (предыстории Петербурга). В результате проведенных работ имеются условия для создания Археологического музея Петербурга, где могут экспонироваться обнаруженные в процессе раскопок находки и сооружения. Наиболее оптимальным использованием территории памятника археологии в устье реки Охты для сохранения остатков выявленных крепостей было бы создание здесь ландшафтного музея-заповедника.

ПРИМЕЧАНИЯ

* В работах принимали участие археологи: Васильев С.А., Карамышев А.В., Кошельков А.П., Петров А.К., Кузнецов А.В., Пищулин С.А., Селезнева С.Ю., Козлова М.М, Соколов А.В.

The archaeological research of the Landskrona and Nyenscans Fortresses at the mouth of the Okhta river in 2008. Preliminary results

In 2008 the Saint Petersburg Archaeological Expedition continued the rescue excavations which began in 2006–2007 on the cape at a confluence of the Okhta river to the Neva. The conducted archaeological research opened the well-preserved remains of fortification constructions – the moats of Landskrona and Nyenscans, of two periods of its existence. The moats of Nyenscans were strengthened by 1 m width turfing, framework wooden constructions were found in their foundation.

Two lines of moats of trapezoidal form connected with the Swedish fortress Landskrona of 1300 were traced from the eastern side of the cape along the Okhta shore for 70 m, and from the southern land side for about 50 m. The external moat's width was about 15 m, it has preserved for the depth of 2.4 m. The moats' walls were strengthened from falling by timber plaques. From the bottom they were fixed by horizontal plaques and a row of stakes hammered into the soil. The internal moat of a similar construction was in 14–15 m in parallel with the external moat. Its width was about 11 m, its depth was up to 2.8 m. On the inner slope of the moat burnt timber constructions of fortress walls were studied. There, and in the bottom part of the moat filling were found petiolar and bushing arbalest bolts, arrowheads, spearheads, and ballista arrowheads. These finds can be dated to the end of XIII – the beginning of XIV century and were connected with taking Landskrona by storm by the Russian troops in 1301. The found moats are partly preserved for 3 m depth and constitute the landscape-architectural objects which could be preserved and museumificated at the place of their

disclosure. The finds could be the basis of a unique museum exposition on archaeology of Saint-Petersburg.

БИБЛИОГРАФИЯ

Сорокин 2001 – Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001.

Сорокин, Андреева, Попов и др. 2007 – Сорокин П.Е., Андреева О.В., Попов С.Г., Семенов С.А., Михайлов К.А. Археологические исследования шведского города Ниена и крепости Ниеншанц XVII в. в Санкт-Петербурге // Археологические открытия 2007 г. (Рукопись, сдана в печать).

Сорокин, Поляков, Иванова и др. 2008 - Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гусенцова Т.М., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Попов С.Г., Семенов С.А. Археологические исследования в г. Санкт-Петербурге в устье реки Охты // Археологические открытия 2008 г. (Рукопись, сдана в печать).

Сорокин 2008 – Сорокин П.Е. Археологические исследования города Ниена, крепости Ниеншанц и перспективы создания Археологического музея Петербурга //Реликвия №18. СПб., 2008. С. 54-58.

Сорокин 2008 а – Сорокин П.Е. Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М., 2008. С. 519-522.